

on cultural norms is analyzed. It is noted that gender category becomes communicatively significant in matrimonial dialogical discourse. This category is considered as manifestation of psychological, social, cultural features that people take for stereotypical behavior models of men and women. The gender peculiarities of verbal and non-verbal components performance in English linguistic culture are analyzed.

Key words: marital dialogical discourse, verbal and non-verbal components, gender, emotional response, language correlate.

Стаття надійшла до редакції 29. 11. 2012 р.

Прийнято до друку 21. 12. 2012 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Должикова Т. І.

Н. П. Иванова (Симферополь)

УДК 81-139:378

**ОППОЗИЦИЯ „СВОЕ – ЧУЖОЕ”
В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Н. В. ГОГОЛЯ**

Для современной филологии весьма актуальным является расширение границ изучения поэтики литературного пейзажа путем выведения его на качественно новый уровень – уровень анализа ментального пространства автора, эксплицированного посредством картин окружающего мира. Это направление литературоведческого анализа связано с такими категориями, как ментальность и когнитивность, активно разрабатываемыми филологами в настоящее время.

Указанный подход изложен в работах таких современных исследователей, как Л. Араева, Н. Воронинская, Д. Замятин, Н. Замятина, С. Киселев и др. [Араева 2006; Замятин 2004; Замятина 2006; Киселев 2007; а также: Белый 1934; Венгеров 1913; Виноградов 1958 и др]. Так, Л. Араева и Н. Воронинская в работе „Ментальное пространство поэтического цикла Иосифа Бродского «Post aetatem nostrum»» [Араева 2006], рассматривая взаимосвязь языка и мышления, составляя единое неразрывное концептуально-текстуальное значение образа в ментальном пространстве произведения, приходят к выводу, что художественный образ вообще (а значит, и пейзажный – в частности) по сути своей – упрощенная когнитивная модель представления о чем-либо. А Н. Замятина в работе „Структура представлений о пространстве в разных странах: постановка проблемы” [Замятина 2006] определяет ментальное пространство как соотношение некоторых понятий, имеющих отношение к пространству, и их свойств, а также самих понятий между собой, как оно представляется некоторому человеку: „пространство в голове”. Аналогичный подход реализован в монографии Д. Замятина „Метагеография: пространство образов и образы пространства” [Замятин

2004], посвященной географическим объектам, пропущенным сквозь призму человеческого восприятия, – географическим образам. Вслед за ним С. Киселев [Киселев 2007] справедливо указывает на то, что проблема взаимодействия литературы и географической науки, исследующей пространственные связи и отношения в природе и обществе, до сих пор не стала объектом ни одного специального или монографического труда.

В связи с этим целью данной статьи является выявление связи литературного пейзажа и ментального пространства автора на основе анализа реализации оппозиции „свое – чужое” в гоголевских картинах окружающего мира.

Ментальную оппозицию „свое – чужое” можно назвать основополагающей для русской прозы XIX в. В гоголевском творчестве наиболее репрезентативным является этнический аспект указанной оппозиции, так как „прежде всего, перед нами проявление особого типа сознания – родового, в котором понятие индивидуальности растворяется в понятии рода – как целого, как общего” [Манн 1988: 45]. Для этого типа сознания характерно противопоставление своего рода чужому и неприятие последнего. И в этом смысле отчасти спорным представляется следующее утверждение Ю. Манна: „Не следует думать, что водораздел проходит по линии: русское (украинское) – «бусурманское», православное – неверное, свое – чужое” [Там же: 41]. Таких антиномий, как *русское (украинское) – „бусурманское”, православное – „неверное”,* мы действительно не встретим, а вот оппозиция „свое – чужое” в этническом аспекте в ментальном пространстве Н. Гоголя, на наш взгляд, существует и реализуется как противопоставление „украинцы – поляки (ляхи)”. Так, в „Вечере накануне Ивана Купала” Пидорка плачет: „Тошно мне. Тяжело на сердце. И *родной* отец – *враг* мне: неволит идти за *нелюбого* ляха” (курсив наш – *Н. И.*) [Гоголь 1937 – 1952-I: 98]. Но в „Пропавшей грамоте” список «чужих» пополняется москалями и цыганами, сравниваемыми с представителями нечистой силы: „...когда *черт да москаль* украдут что-нибудь, то поминай как и звали... В лесу живут *цыганы* и *выходят* из нор своих ковать железо в такую ночь, в какую *одни ведьмы ездят на кочергах своих*» (курсив наш – *Н. И.*) [Там же: 142]. Как совершенно отличные от „своих” воспринимаются и венгры, однако с менее отрицательными коннотациями – они просто другие („Страшная месть”): „Идут каменные цепи в Валахию и в Седмиградскую область и громадою стали в виде подковы между галичским и венгерским народом. *Нет таких гор в нашей стороне.* Глаз не смеет оглянуть их; а на вершину иных не заходила и нога человека. *Чуден и вид их...* Еще до Карпатских гор услышишь *русскую молвь*, и за горами еще кой-где отзовется как будто *родное слово*; а там уже и *вера не та, и речь не та.* Живет немалолюдный народ венгерский; ездит на конях, рубится и пьет не хуже казака...” (курсив наш – *Н. И.*) [Гоголь 1937 – 1952-II: 226 – 227].

Интересно, что здесь же в качестве „неверных” наряду с татарами выступают католики (несмотря на то, что они тоже христиане): „Отчего не поют казаки? Не говорят ни о том, как уже ходят по Украине ксендзы и перекрещивают казацкий народ в католиков; ни о том, как два дни билась при Соленом озере орда. Как им петь, как говорить про лихие дела...” [Там же: 200]. А в „Пропавшей грамоте” читаем следующее обращение деда к чертям: „Что вы, Иродово племя, задумали смеяться, что ли, надо мною? Если не отдадите сей же час моей казацкой шапки, то *будь я католик, когда не переверочу свиных рыл ваших на затылок!*” (курсив наш – Н. И.) [Там же: 144]. Ю. Манн отмечает, что существует параллель между „Страшной мстью” и „Вечером накануне Ивана Купала”, двумя произведениями, самыми „старшими” в диканьковском цикле по времени действия. Не раз отмечалось, что „в обоих повествованиях, которые наиболее глубоко простираются в прошлое, возникает конфликт между патриархальной общностью казаков и отчужденным чужаком...” (Städtke K. Zur Geschichte der Russischen Erzählung (1825 – 1840). – Berlin, Akademie-Verlag, 1975. – S. 169)” [Цит. по: Манн 1988: 48 – 49].

И, конечно же, оппозиция „свое – чужое” в этническом плане реализована в повести „Тарас Бульба”. Интересно, что здесь не делается различий между русским и украинским, следовательно, москалей, ассоциирующихся с чертями, нет и быть не может. Более того, „автору «Тараса Бульбы» чужды все, кто не разделяет его веры в Россию. У него русское – это не просто особенное, но наилучшее: «Нет, братцы, так любить, как русская душа... Нет, так любить никто не может!» Это, конечно, и будущий Тютчев – «Умом Россию не понять», и чуть не дословно будущий Блок – «Да, так любить, как любит наша кровь, никто из вас давно не любит!» Вообще, блоковские «Скифы» – парафраза «Тараса Бульбы»: как раз запорожцы «держали щит меж двух враждебных рас – монголов и Европы» – это, конечно, басурманы и ляхи” [Вайль 1991: 93]. С последними борьба ведется куда серьезнее, чем с нечистой силой: „Не уважили казаки чернобровых панянок, белогрудых, светлооких девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями... Казаки, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя” [Гоголь 1937 – 1952-II: 143]. П. Вайль и А. Генис, называя повесть „языческим русским эпосом”, находят этой жестокости вполне убедительное объяснение: „...эпические персонажи и не могут вести себя иначе... Однако Гоголь и его читатели были людьми XIX столетия, их мораль требовала обоснования Тарасовых вольностей. На помощь противоречию пришла идеология. Все, что творили запорожцы, – они делали ради Веры, Товарищества и Отчизны. Стихия удали получила идейную направленность... Теперь другое дело. Теперь оправдано все: «Садись, Кукубенко, одесную меня! - скажет ему Христос». Скажет, заметим, тому самому Кукубенко, который за три страницы до вознесения «иссек в капусту первого

попавшегося» – тоже христианина, правда, католика... Герои эпоса Гоголя – язычники, каковым только и могут быть герои эпоса. Язычниками они остаются и в своей вере, которая на самом деле не христианство, не православие – а патриотизм. А ведь любовь к родине вовсе не предполагает любви к человеку – потому так достоверны Тарасовы казаки, словно случайно названные христианами” [Вайль 1991: 91 – 92]. И поэтому казацкий курень изображен с прямыми отсылками к фольклорно-эпическому стилю (что-то вроде „в каком году – рассчитывай, в какой земле – угадывай”), когда оружие на стенах отнюдь не украшение и когда даже чарки описаны как боевые трофеи, и все это определяет оппозицию „свое – чужое”. В унисон жилищу описан и характер эпического героя, не признающего полутонов: „Бульба был упрям страшно. *Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось казачество – широкая, разгульная замашка русской природы...* Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей возникли *грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников*» (курсив наш – Н. И.) [Гоголь 1937 – 1952-II: 33 – 34].

Главенствующая в ментальном пространстве казаков оппозиция „свое – чужое” обнаруживает себя и при ведении боевых действий, когда возможным считается лишь применение „своей” тактики („Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера, ...и неприлично, и не казацкое дело” [Там же: 165]), и во время провозглашения высших ценностей на пиру („За Сичь!.. И слышало далече поле, как поминали казаки *свою Сичь...* – За всех христиан, какие ни есть на свете!” (курсив наш – Н. И.) [Там же: 172]). Эта сцена еще раз доказывает, что, провозглашая собственную принадлежность к христианскому миру, казаки демонстрируют ментальность, далекую от подлинно христианской, и „своя Сичь” для них все равно остается главной и непреходящей ценностью. Оппозиция „свое – чужое” в ментальном пространстве казаков распространяется даже на мир природы, не имеющий, казалось бы, вовсе никакой этнической принадлежности. Вспомним, к примеру, что Товкач говорит Тарасу: „Пусть же хоть и будет орел высмыкать из твоего лоба очи, да пусть же *степовой наш орел, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а доведу тебя до Украины!*” (курсив наш – Н. И.) [Там же: 187]. Кроме того, сопоставление двух последних фрагментов еще раз наглядно демонстрирует отсутствие разграничения понятий „русское” и „украинское” в ментальном пространстве героев,

что позволяет, на наш взгляд, говорить об авторском ментальном пространстве. При этом право на существование оппозиции „свое – чужое” признается автором не только за казаками, но и за их противниками, что усиливает безвыходность положения: „Я не знаю, ваша ясновельможность, зачем вам хочется смотреть их. *Это собаки, а не люди. И вера у них такая, что никто не уважает.*

– Врешь ты, чертов сын! – сказал Бульба. – *Сам ты собака!* Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают? *Это вашу еретическую веру не уважают!*” (курсив наш. – Н. И.) [Там же: 168].

Подобные особенности ментальных пространств порождают соответствующие действия: „Запорожцы переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу; персидские дорогие шали употребляли вместо очкуров и опоясывали ими запачканные свитки” [Там же: 125]. Никакого иного мотива, кроме расправы с „чужими” и осквернения чужих, а значит, заведомо ложных ценностей, у подобных набегов не было.

Вопрос в другом: совпадает ли авторское ментальное пространство с ментальными пространствами его героев и возможен ли для самого Гоголя перевод оппозиции „свое – чужое” в общечеловеческую сферу преодоления ее там? Видимо, на первую часть вопроса можно дать отрицательный ответ, а на вторую – положительный, причем „ответ знает само произведение”, так как мир, преобразованный подобными войнами с „чужими” описан следующим образом: „Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства... А между тем что-то величественное и грозное примешалось к красоте июльской ночи. Это были *зарева* вдали *догоравших* окрестностей. В одном месте *пламя* спокойно и величественно стлалось по небу; в другом, встретив что-то *горючее* и вдруг вырвавшись вихрем, оно свистело и летело вверх, под самые звезды, и оторванные охлопья его гаснули под самыми дальними небесами. Там *обгорелый черный монастырь*, как суровый картезианский монах, стоял грозно, выказывая при каждом отблеске мрачное свое величие. Там *горел монастырский сад*. Казалось, слышно было, как деревья шипели, обвиваясь дымом, и когда выскакивал *огонь*, он вдруг освещал фосфорическим, лилово-огненным светом спелые гроздия слив или обращал в *червонное золото* там и там желтевшие груши, и тут же среди их *чернело висевшее на стене здания или на древесном суку тело бедного жиды или монаха, погибавшее вместе с строением в огне. Над огнем вились вдали птицы, казавшиеся кучею темных мелких крестиков на огненном поле.* Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками отдаленных *пожарищ*” (курсив мой. – Н. И.) [Там же: 161]. Дело в том, что в западноевропейской культуре существует деление природы (в смысле „всего, что было, есть, будет”, что возможно и необходимо) на мир, ад и рай. Это ценностно значимое деление, служащее не только спасению человека, но и преображению

природы: поляризуются не только дела, заслуги, добро и зло; это, прежде всего, эстетическая поляризация. В аду все безобразно, а в раю – прекрасно. Надо сказать, что и рай, и ад других религий и мифологий тоже, в принципе, разделяется на благую природу, где ведущая роль отводится обычно саду (по аналогии с эдемским садом), и злую, ужасную, рисуемую со страхом и неприятием. Когда пользуются этими стереотипами метафорически, тогда нередко действительность изображается как ад. Это замечание К. Долгова относительно западноевропейской культуры представляется справедливым и в настоящем случае, поэтому приведенная выше картина сожженного монастыря и выгоревшего сада с черными крестиками над огненным полем читается как адский пейзаж, при описании которого так или иначе 10 (!) раз упомянуто пламя.

Родовое сознание, определяющее ментальность героя, порождает оппозицию „свое – чужое”, подпитывает ее и доводит до абсолюта, принося при этом в жертву самого носителя указанной оппозиции: „И пробились было уже казаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: „Стой! выпала люлька с табаком; *не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!*» (курсив наш – *Н. И.*) [Там же: 189].

Однако в авторском ментальном пространстве не все так абсолютно. Жесточайшая, на первый взгляд, оппозиция „свое – чужое” смягчается и почти нивелируется образом влюбленного Андрия. Красавец-злодей уже сам по себе фигура для эпоса несколько необычная. А здесь эта „пара – Андрий и полячка – настолько хороша, что звучит несомненная правда в словах Андрия: «Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты». Это... высокое и праведное в своей искренности чувство» [Вайль 1991: 90]. Видимо, в гоголевском ментальном пространстве оппозиция „свое – чужое”, будучи перемещенной из этнической сферы в общечеловеческую, теряет остроту или вообще прекращает свое существование. Так было и до „Тараса Бульбы” – в „Ночи перед Рождеством”: „Я ее так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить... *Что мне до матери? ты у меня мать и отец и всё, что ни есть дорогого на свете*» (курсив наш. – *Н. И.*) [Гоголь 1937 – 1952-I: 98]. Более того, так было в первом гоголевском произведении, подписанным его именем, „Женщина” („Литературная газета”, № 4 за 1831 г.): „И когда душа потонет в эфирном лоне души женщины, когда отыщет в ней своего отца – вечного бога, своих братьев – дотолле невыразимые землю чувства и явления – что тогда с нею? Тогда она повторяет в себе прежние звуки, прежнюю райскую в груди бога жизнь, развивая ее до бесконечности...” [Гоголь 1937 – 1952-IX: 23]. И картины окружающего мира в повести „Тарас Бульба” свидетельствуют о том, что в авторском ментальном пространстве оппозиция „свое – чужое” лишена той категоричности, с которой отстаивают ее герои этого произведения. Об этом

свидетельствует наполненность пейзажей светом. За традиционной не только для эпоса, но и для романтического искусства эстетической оппозицией „свет – тьма”, безусловно, стоят ценностные ориентиры: „свое”, или позитивное, пространство всегда является светлым. Именно так описывает Гоголь родную для казаков степь: „Вечером вся степь совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца... По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрагивался до щек...” (курсив наш – Н. И.) [Гоголь 1937 – 1952-I: 153]. Позитивное восприятие этого пейзажа поддержано также обонятельными и осязательными ощущениями.

Но интересно сопоставить эту картину с гоголевским описанием столь ненавистной казакам католической церкви, в которую входит Андрий: „Андрий невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в казаках, поступавших с ними бесчеловечней, чем с жидами. Монах... посветил им, запер за ними дверь, ввел их по лестнице вверх, и они очутились под высокими темными сводами монастырской церкви... Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кафельный дым остановился в воздухе радужно освещенным облаком.

Андрий не без изумления глядел из своего темного угла на чудо, произведенное светом. В это время величественный рев органа наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые рокоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку...” (курсив наш – Н. И.) [Гоголь 1937 – 1952-II: 180]. Как видим, это пространство мало напоминает враждебное или адское. Освещение здесь поддержано звуками органа, которые окончательно меняют знаки и стирают оппозицию „свое – чужое”. Но родовое сознание неуклонно делает свое дело: указанная оппозиция вновь возрождается, только с обратным знаком: „Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя – ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моем, понесу ее, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из казаков вырвет ее оттуда! И все, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!” (курсив наш – Н. И.) [Там же: 183]. Таким образом, автор вновь дистанцируется от своих героев: крайние проявления оппозиции „свое – чужое”, видимо, находятся за пределами его ментального пространства.

Представляется, что Гоголь, как и Русь в его изображении, „не дает ответа”, и оба члена бинарной оппозиции „свое – чужое” в гоголевском

ментальном просторі являються амбивалентними. Преодолення цієї опозиції можливо як в одну, так і в другу сторону, причому знаки оцінок такого роду „пересечень границь” можуть змінюватися.

Література

Араєва 2006 – Араєва Л. А. Ментальне просторі поетического циклу Йосифа Бродського „Post aetatem nostram” [Електронний ресурс] / Л. А. Араєва, Н. Б. Воронинська. – Режим доступу: old.lib.sfu-kras.ru/resources.php3?menu1...menu2...13; **Бєлий 1934** – Бєлий А. Мастерство Гоголя / А. Бєлий. – М. – Л. : Изд-во ОГИЗ, 1934. – 322 с.; **Вайль 1991** – Вайль П. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности / П. Вайль, А. Генис. – М. : Независимая газета, 1991. – 189 с.; **Вєнгєров 1913** – Вєнгєров С. А. Собрание сочинений : в 4 т. / С. А. Вєнгєров. – СПб. : Прометей, 1913. – Т. 1. – 248 с.; **Виноградов 1958** – Виноградов В. В. Из истории стилей русского исторического романа (Пушкин и Гоголь) / В. В. Виноградов // Вопр. лит. – 1958. – № 12. – С. 120 – 149; **Гоголь 1937 – 1952** – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937 – 1952; **Замятин 2004** – Замятин Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. – М. : Автограф, 2004. – 512 с.; **Замятина 2006** – Замятина Н. Ю. Структура представлений о пространстве в разных странах: постановка проблемы [Электронный ресурс] / Н. Ю. Замятина. – Режим доступа: <http://biblioteka.org.ua/book.php?id=1120001189&p=0>; **Киселев 2007** – Киселев С. Н. Н. В. Гоголь и география. Введение [Электронный ресурс] / С. Н. Киселев. – Режим доступа: www.rusk.ru/st.php?idar=111238; **Манн 1988** – Манн Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. – М. : Худож. лит., 1988. – 413 с.; **Потебня 1905** – Потебня А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. – Харьков, 1905. – 395 с.; **Сакулин 1990** – Сакулин П. Н. Филология и культурология / П. Н. Сакулин. – М. : Высш. шк., 1990. – 232 с.; **Эстетика 1994** – Эстетика природы / под ред. К. М. Долгова. – М. : ИНФРАН, 1994. – 230 с.

Іванова Н. П. Опозиція „своє – чуже” в ментальному просторі М. В. Гоголя

У статті розглянуто ментальну опозицію „своє – чуже” та її реалізацію в мовній і ментальній картинах світу М. В. Гоголя, визначено етнічний і загальнолюдський ракурси осмислення зазначеної антиномії. У ході аналізу зроблено висновки про особливості ментальних просторів автора та його героїв, визначено аспекти їхнього зіткнення та розбіжності. Дослідження текстового матеріалу циклу „Вечори на хуторі поблизу Диканьки” та повісті „Тарас Бульба” дозволяє констатувати амбивалентність обох складників бінарної опозиції „своє – чуже” в ментальному просторі письменника.

Ключові слова: ментальний простір, художній простір, картина світу, опозиція „своє – чуже”.

Иванова Н. П. Опозиция „свое – чужое” в ментальном пространстве Н. В. Гоголя

В статье рассматривается ментальная оппозиция „свое – чужое” и ее реализация в языковой и ментальной картинах мира Н. В. Гоголя, определяются этнический и общечеловеческий ракурсы осмысления указанной антиномии. В ходе анализа сделаны выводы об особенностях ментальных пространств автора и его героев, определены аспекты их соприкосновения и расхождения. Исследование текстового материала цикла „Вечера на хуторе близ Диканьки” и повести „Тарас Бульба” позволяет констатировать амбивалентность обеих составляющих бинарной оппозиции „свое – чужое” в ментальном пространстве писателя.

Ключевые слова: ментальное пространство, художественное пространство, картина мира, опозиция „свое – чужое”.

Ivanova N. P. The Opposition „Own – Alien” in the Mental Space of N. V. Gogol

The article discusses the mental opposition to the „own – alien– and its implementation in the pictures of the linguistic and mental worlds of N. V. Gogol, shall be determined by the ethnic and human aspects of comprehension of the antinomy. In the analysis of the conclusions are made about the peculiarities of the mental spaces of the author and his characters, defined aspects of their ground and divergences. Studying of the texts of the cycle „Evenings on a Farm near Dikanka” and novel „Taras Bulba” allows to ascertain the ambivalence of both components of the binary opposition „own – alien” in the mental space of the writer.

Key words: mental space, the artistic space, the picture of the world, the „own – alien”.

Стаття надійшла до редакції 29. 11. 2012 р.

Прийнято до друку 21. 12. 2012 р.

Рецензент – д-р філол. н., проф. Глуховцева К. Д.